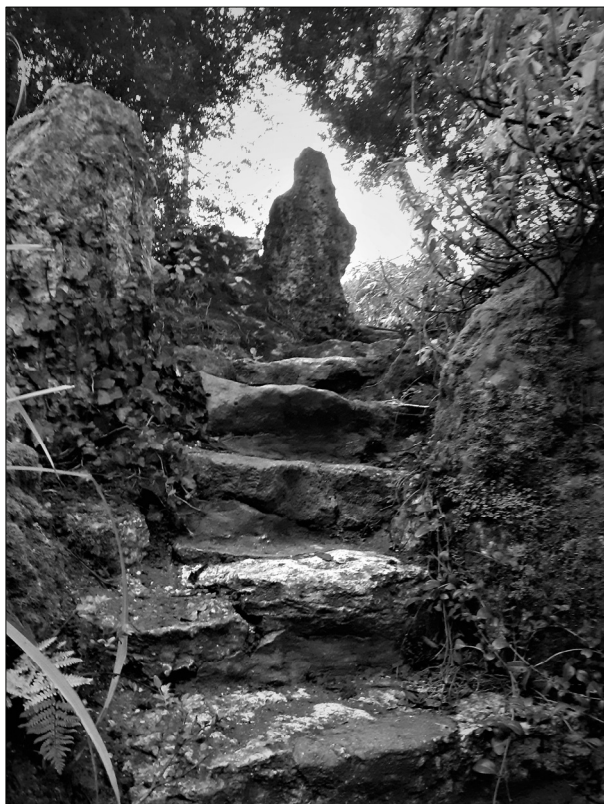

ПРИТЧИ

О ВЕРТИКАЛИ

Когда Бог отделил от Неба Землю и населил её растениями и рыбами, птицами и животными, он увидел, как тоскуют по утраченному Единству Он и Она. Как Небо дождями и ливнями плачет и как Земля испаряется влагой, штормит морями и бурлит гейзерами в попытке прикоснуться к потерянному.

И тогда Бог создал человека и наделил его способностью держать вертикаль, как Древо, корнями уходящее в землю, а кронами — в небо. И стал человек опираться на землю и устремляться молитвами к небу, силу черпать из земли, а вдохновение искать у неба. И когда стоял он ровно, не сгибаясь и не падая под натиском жизни, через него соединялись Небо и Земля и, благодарные, напитывали его необходимой для жизни силой.

И если поднимался человек на самую высокую вершину духа и на пике своей горы в ликовании воздевал руки к Всевышнему, танец соединенных, танец любви совершался в нем, трехкратно увеличивая данное ему Создателем. А если падал он и долго не мог подняться, Небо и Земля, разъединенные через него, тосковали и не могли больше напитывать его своей силой. И тогда заканчивался срок жизни такого человека. А Небо и Земля уповали на соединение в другом.

ОБ АРТИСТАХ

Жили-были два артиста. Один был щедр на слова, другой — на дела. Один выращивал слова, и было у него огромное поле маленьких цветов всех оттенков... Другой мастерил изделия, служившие людям веками. И некоторые люди говорили о первом: как хорошо отдохнуть в аромате его цветов, забывая все свои печали, а другие говорили: невозможно бездельничать вот так, день-деньской. А о втором говорили одни: какие полезные, прочные вещи создает этот мастер, а другие вздыхали: жаль, что в тени их нельзя отдохнуть душой, и сердце остается печальным.

Однажды два мастера встретились. И щедрый на слова увидел сделанное щедрым на дела. И решил он тоже смастерить что-нибудь. Собрал он поначалу свои цветы в благоуханный букет, но слишком безыскусным и кратковременным показался он. Тогда решил он овладеть искусством икебаны, и много дней и ночей провел в мастерской восточного мастера, и вышел оттуда с прекрасным букетом, в котором законы пропорции и красоты сочетались так искусно, что смотревшие на него радовались ещё больше, чем раньше. И решил он подарить своё творение тому, кто подвиг его на это учение — артисту, щедрому на дела. Он пришел к нему в мастерскую и торжественно поставил на стол икебану, сопроводив его длинной историей своего учения.

Щедрый на дела терпеливо выслушал своего коллегу, улыбнулся в сердце своем, но ничего не сказал. И щедрый на слова ушел в недоумении, так и не узнав, понравился ли его подарок. И долго он так недоумевал, не получая никаких известий. Видно не понравился, решил он наконец, зря я столько дней и ночей провел в изучении этого искусства. Лучше вернусь я к своему полю — полюбуюсь цветами. Но взгляд его упал лишь на засохшие бутоны и сорную траву, которых давно не касалась заботливая рука. И расстроился он совсем, и понял, что долгий опыт отсутствия его был напрасен.

А в это время, щедрый на дела, растроганный подарком щедрого на слова, решил преподнести ему ответный дар. А по-

скольку делал он только прочные вещи, времени у него на это ушло много. Ибо строил он прекрасную оранжерею, где щедрый на слова, мог бы выращивать не только слова, но и целые фразы, и даже стихи. И в один прекрасный день, когда оранжерея была готова, он пришел пригласить своего коллегу полюбоваться его трудом. Грустным застал он его посреди запущенного поля, бесцельно сидел тот, склонив голову над засохшими цветами, которые когда-то так радовали его близких. Неохотно пошел он смотреть на прекрасное сооружение и не разглядел красоты его, остановившись взглядом лишь на мелком изъяне, походившем на его собственное состояние. А так как молчать он не привык, выплеснул он всю горечь свою на этот изъян — и ушел, не попрощавшись. Даже вовнутрь не заглянул — ведь у него больше не осталось желания выращивать цветы слов, а значит, незачем ему был дорогой подарок.

Больно стало щедрому на дела. Он так много дней и ночей просидел над своим созданием, а в ответ услышал только горькие слова обиды. Но не смог он высказать свою боль. Потому что не привык к словам. И не знал поэтому, что порой дорогой и красивый подарок льстит самолюбию, но не ласкает сердце того, кто ждет только доброго слова.

О КРАСОТЕ

Жил-был вельможа. Был он знатен и богат, окружен уважением и любовью. Один недостаток не давал ему покоя — не было у него крепкого здоровья, и считал он это большой своей слабостью. В юности боролся с ней, соглашаясь на бесконечные операции, в молодости пытался скрыть швы, а в зрелости смирился, но всегда старался избегать большого сюжета. Поэтому не любил он самого себя, не мог примириться с тем, что казалось ему уродством. А любил он, напротив, окружать себя красивыми людьми и вещами, был большим поклонником изящных искусств и даже поддерживал бедных артистов, когда деньгами, а когда вовремя сказанным словом. Однажды зашел он на выставку картин талантливого и неизвестного ему до сих пор художника. Очень понравились ему картины молодого автора, и захотел он ему помочь. Но художник отказался от помощи — и попросил взамен позировать ему. Польщен был меценат. Не часто относились к нему так бескорыстно.

Пришел он в мастерскую к художнику, и с тех пор стал приходить часто, даже когда не был приглашен. Совсем забыл он о церемониях, чувствуя себя в крохотной студии, как дома. А художник, казалось, не торопился с портретом — то один штрих нарисует, то другой. И никогда не показывал набросков. Не готово ещё, потерпи, говорил.

Но вот долгожданный день настал — художник закончил портрет. Вельможа с нетерпением отбросил покрывало, скрывающее картину, и первое, что бросилось ему в глаза, был шрам на его лице. В ужасе отпрянул он от работы:

— Как ты мог, я так тебя ценил, а ты показал мой самый страшный недостаток? — воскликнул он в отчаянии.

Художник окаменел. Как будто плеснули ему в лицо чашу, полную ядовитого зелья. Схватил он свою работу и отнес в подвал с глаз долой.

А вельможа вернулся домой, убитый горем, и несколько дней не подходил к зеркалу и не принимал никого, боясь, что люди тоже заметят его недостаток. Когда он пришел в себя, и добрая воля и разум вернулись к нему, отправился он посмот-

реть ещё раз на портрет, но не застал художника дома. Так продолжалось несколько раз. Он приходил сам и посылал гонцов с письмами, но не получал никакого ответа. Горько пожалел он тогда о своей болезненной вспышке. Даже созвал мудрецов, чтобы помогли ему справиться со своим нравом. Дали они ему простой, но трудноисполнимый совет: полюбить вначале себя, а потом уже красивых людей и красивые вещи. Много работал вельможа, чтобы полюбить себя, сначала над телом, а потом над душой. И в один прекрасный день произошло чудо — и принял он все свои недостатки, и посмеялся над всеми своими шрамами и, особенно — над маленьким шрамом на лице.

Пришел он тогда к художнику, и рассказал ему всё, что произошло, и попросил прощение. А также попросил показать ему ещё раз портрет. И был польщен на этот раз, но ничего не сказал, боясь показаться противоречивым или неискренним в глазах оскорбленного художника. Попросил он отдать или продать ему портрет. Но художник не согласился. Лишь ответил заносчиво:

— Не годится для тебя мой бездарный портрет. Слишком красив ты для него. Не приходи ко мне больше.

Опечалился вельможа, но ничего поделать не мог, понимая, что не тягаться с чужой гордыней тому, кто столько времени потратил на победу над собой.

Прошло ещё немало времени, прежде чем увидел он в третий раз свой портрет. Стал он стар, и никуда не выходил, но когда услышал о посмертной выставке любимого им художника, преодолел недуг и пришел. В центре зала висел знакомый портрет и толпа восхищенных взглядов окружала его. А экскурсовод рассказывал людям, что это была единственная картина, которую художник отказывался выставлять при жизни, завещая повесить её в центре зала и отдать тому, кто признает в ней своё отражение.

О МАЛЬЧИКЕ И ПЕЧАЛИ

Жил-был человек, который никогда не плакал. Вернее, он плакал, но никто этого не замечал, потому что слёзы у него были особенные — они текли внутри, оставляя лицо сухим. Так что многие знакомые считали его немного чёрствым. На самом деле, этот человек плакал чаще, чем другие, плакал по любому поводу, плакал так часто, что стыдно ему было показывать свою слабость другим. И так как никто не замечал его грусти, продолжая обращать к нему обидные слова, лишённые любви и сострадания, его особенные слёзы продолжали течь, образуя невидимый водоём, полный печали, на берегу которого росли грустные ивы, смотрящие на свои отражения. Их корни изо дня в день питались этой печалью, не знающей, что такое солнце радости, не способное проникнуть в сердце этого человека, как не может проникнуть в теплицу веяние стихии.

Однажды он встретил ребенка, который не стыдился своих слёз и позволял себе плакать и смеяться, как может плакать и смеяться только ребёнок, ещё не научившийся скрывать своего настоящего. Ребенок пробежал мимо, упал и заплакал. Человек подошёл к нему, поднял и попытался успокоить.

— Как ты можешь меня успокоить, если и сам расстроен настолько, что плачешь? — неожиданно произнёс тот.

Человек удивился. Он потрогал своё лицо, но оно было сухим.

— Почему ты решил, что я плачу? — осторожно спросил он.

— Не знаю, — ответил мальчик и побежал дальше.

Человек задумался, но быстро забыл о случившемся. Через несколько дней история повторилась. Всё тот же мальчик пробежал перед ним, так же споткнулся, упал и конечно заплакал. Когда же человек попытался помочь ему, ребенок отстранил его руку и ответил:

— Ты мне не сможешь помочь своими слезами.

— Но откуда ты знаешь, что я плачу, ведь у меня нет слёз на лице? — снова удивился человек.

— Я знаю, — ответил мальчик и убежал.

На этот раз человек не забыл о случившемся. И когда он в третий раз увидел мальчика, который упал на том же самом месте, он сел рядом с ним и опустил лицо в ладони, боясь что мальчик снова догадается о слезах, готовых политься из его глаз. Но мальчик только протянул руку и погладил его, как ребёнка, которого хотят успокоить.

И тогда человек расплакался. Впервые за свою жизнь. Он плакал по-настоящему, навзрыд. Плакал так долго, что слёзы, накопленные в водоёме сердца, вылились наружу и затопили часть земли, перед которой он сидел, продолжая плакать всё тише и тише и вглядываясь в своё отражение, похожее на грустную иву из его внутреннего мира. И когда в его сердце почти не осталось слёз, с первыми лучами солнца, наконец осветившего его печаль и готового осушить образовавшийся водоём, он с удивлением обнаружил, что как две капли воды похож на мальчика, благодаря которому он позволил наконец вылиться всему, что так долго скрывал от мира.

О ЛЮБВИ

В одном забытом Богом селении на севере Индии жила женщина. Тихо и спокойно протекали её дни, насыщенные домашними обязанностями и заботой о ребенке и муже. Но однажды женщина заболела. Никто не мог разгадать причину её болезни, да и сама она вряд ли её осознавала. Долго боролась женщина со своим недугом, обращаясь то к врачам, то к знахарям, но ничего ей не помогало. И семья покорно готовилась с ней проститься. И, когда силы её были на исходе, обратилась она к небу с горячей молитвой:

— О, Великий Шива, сжался надо мной, я ещё совсем молодая. Я верно служила своей семье и ничего не знала, кроме долга. Но я так и не познала, чего хочет душа моя. Пожалуйста, исцели меня, чтобы я могла насладиться всеми красками жизни и познать настоящее чувство. А взамен я готова отдать всё, что у меня есть, и без усталости практиковать бхакти, — в порыве отчаяния шептала она.

Ничего не ответил ей молчаливый Шива, но послал целителя. Это был молодой мужчина, который ходил из селения в селение и исполнял своё призвание, возлагая руки на тяжело больных и возвращая им дар жизни. И отнесли женщину к нему. И посмотрел он на неё внимательно, а после долго держал руки на темени и напоследок прижал её к груди. Женщина ушла от него на своих ногах с переполненным радостью сердцем, не зная, что помогло ей: сила его рук или любовь во всём его существе. А на следующее утро душа её, наполнившая тело до краев, пела слова благодарности и исцеляла её. И тогда она пожелала вернуть благодарность тому, кто вернул её к жизни. И пришла к нему снова, но встретившись с ним взглядом только бросилась ему на грудь и зарыдала. А когда он покидал селение, последовала за своим сердцем — за ним, оставив мужа и ребенка — всё, что у неё было.

И стала она его ученицей и женой, помогая ему возвращать к жизни тех, кто хотел остаться. И прожила с ним много наполненных любовью и служением лет, стараясь не вспоминать о своём прошлом. А когда целитель, дожив до старости,

умер, и её сердце осталось без любви, женщина вновь заболела и, вспомнив, как высшие силы помогли ей один раз, снова обратилась к небу с горячей молитвой:

— О, Всемогущий Шива, заведи меня отсюда, ибо не смогу я жить без того, кто наполнял мне сердце все эти годы. Но вначале дай мне силы, чтобы я смогла вернуться в своё селение и испросить прощение у оставленных некогда мужа и ребенка, а потом уйти со спокойной душой.

На этот раз она услышала ответ:

— Ступай. Я дам тебе силы на последний путь. Ты искупила грех абсолютной любовью и преданным служением, но так и не достигла мокши. Поэтому, попросив прощения у близких, ты умрешь, как пожелала, но не сольешься с Единым, ибо в момент смерти будешь думать не обо мне, а о своем возлюбленном. Ты возвратишься в новую плоть и в следующей жизни твоя душа и душа, которую ты любила в этой жизни, сольются в одном теле. И будет в тебе мужское и женское. И будешь ты счастлива наедине с собой.

— О, Милосердный Шива, — не выдержала женщина, — но будет ли дано мне понять, что душа моего возлюбленного соединилась с моей в одном теле?

— Ты родишься со стертой памятью, как и большинство людей, — услышала она, — и будешь страдать от одиночества, находясь рядом с теми, кто тебя любит. И только когда ты полюбишь себя так, как ты любила в этой жизни своего Мужа и Учителя, твой разум озарится светом истины и ты снова познаешь счастье абсолютной любви.

И пошла женщина к тем, кого она когда-то оставила ради служения и любви. И упала перед ними на колени, рассказав всё и умоляя о последнем прощении. И когда получила его, тихо ушла, готовясь снова вернуться.

О СПАСЕНИИ

Некогда спасающий других, он нуждался в спасении как никто другой.

Природа наделила его красотой и талантом покорять сердца. Его голос обладал способностью убеждать, а внешний вид останавливал взгляд и радовал своей экзотичностью. Когда его сущность вырывалась наружу, голос разносился далеко за пределы видимости и оставался на долгие годы эхом в душах тех, кто его услышал. Ни на кого не был похож этот голос, да и он сам. Разве что на титана из древних мифов, спустившегося на землю, чтобы подарить людям божественное пламя любви. И тот, кто попадал в радиус этой любви, блаженно улыбался, вспоминая об источнике.

Он хотел соединить небо и землю, сделать доступным утраченный рай, вернув его человечеству и очистить ад, выведя на свет заточенные там души. С любовью в сердце он спустился на самое дно, чтобы спеть очистительные гимны и подарить лишенным надежды лучик света и веру в силу, которая поднимет их. Он спустился без оружия и без инструмента с открытым забралом сердца и одним своим видом заставил слушать себя самые темные уголки душ. Он шел по грязному дну и под его ногами распускались лотосы, даруя краткий миг наслаждения тем, кто был лишен его навеки.

Он прошел эту обитель скорби легко и вышел на свет невредимым... Разве что с малой занозой в ноге, которая не причиняла особой боли — он забыл о своей ахиллесовой пяте, забыл о себе, думая о боли других — и радость от того, что он снова вернулся в мир, достойно выполнив свою миссию, радость от победы была так сильна, что он забыл продезинфицировать рану. Ничего, до свадьбы заживет, — улыбнулся он, довольный собой, — его ждала невеста, и он со спокойной совестью погрузился в радости земной жизни.

Но вирус темноты, подхваченный на дне, стал разрастаться и в шлейф аромата проник незнакомый запах распада. Те, кто знали его раньше, стали замечать едва заметные перемены: так,

пустяки, несколько неосторожных и тяжелых, как камни, слов, сорвавшихся как бешеные псы и готовые растерзать несогласных. Не страшно, — улыбался он, приходя в себя: Он тоже был жесток, изгоняя из храма торгующих. Любовь — это не сюсюканье и не снисхождение, иногда нужно быть и жестким. Чтобы вернуться к себе прежнему и успокоиться, он погружался в новые ароматы трав, найденных и сорванных им по дороге оттуда, откуда обычные люди не возвращаются. А он вернулся! Он это совершил! — нашептывали ему травы, возвращая силу и восстанавливая равновесие. Они уводили от мира дольного, соединяя с другими мирами, они стали его вертикалью, его возможностью проходить границы легким путем, не прилагая сверхчеловеческих усилий для спуска и подъема. Они стали той лестницей, по которой он спускался и поднимался, но чаще спускался, ибо его миссия заключалась в том, чтобы спасти падших, а не тех, кто может спастись сам. А те, кто могли спастись, постепенно отдалялись от него, так что его голос иногда доносился до них далеким воспоминанием, но не позволял приблизиться, ибо лучи исходящие от него, стали походить на маленькие жала, обжигающие тех, кто хотел протянуть ему руку помощи.

— Если я Творец, я смогу вмесить всё, и ваше несогласие, и ваше бегство от меня, — хохотал он в спину уходящим.

Поначалу уходили близкие. Потом радиус лучей расширился, и стали уходить дальние, те, кто раньше слушали его с благоговением и любили в нём Творца: кто-то не выдерживал огрубевших слов, кто-то не переносил запаха незнакомых трав, а кто-то просто боялся, не умея объяснить свой страх перед нечеловеческими вибрациями голоса. Вскоре публики не осталось — остались только пораженные тем же вирусом и успевшие заразиться. Они стали почитать его, считая божественным воплощением, называя Светоносным, и даже надеялись создать Орден Любви, который он возглавит. Он, смеясь, отказывался. Чувство юмора и способность смеяться над сотворенным образом ещё связывали его с миром земным и давали возможность оставаться простым человеком, живущим радостями смертного. Правда, он всё же согласился запечатлеть одно из своих изображений на альбоме, где звучал его голос. Но лучи свои он пожелал изобразить черными, наделив свою рану, доселе невидимую, ореолом и статусом солнца. И черное солнце навсегда засияло нимбом над его головой, распластав свои двенадцать

змеевидных лучей во все стороны. Те, кто смотрел на незнакомое изображение, невольно крестился, а те, кто знал, кто изображен, повторял: ЭТО НЕ ОН.

Это была черная рана, которая разрослась до размеров тела, наполнила его и рвалась за пределы. Она то вспухала и вылезала грыжей на теле, видимость которой удалили, оставив корни, кровоточащие болью, то толкала в самые опасные места, где шла война, где тело могло навсегда избавиться от страданий с тем, чтобы передать их душе. Но чувствуя, что ещё можно пожить, что в могучем теле ещё остались живые места, она в очередной раз откладывала его смерть. А когда изможденный, но живой он возвращался к жизни, пытаясь из последних сил вырваться из её змеевидных корней, лгливо приговаривала:

— Вот видишь, какую силу я тебе даю, ты неуязвим, ты почти Бог, воскресающий каждый раз. Вскоре ты обретешь настоящее бессмертие и одаришь им других. Тебе достаточно будет прикоснуться к ним своими лучами, и ты одним своим взглядом сможешь осчастливить человечество, подарив ему частичку себя... Ты должен одарить каждого, не забудь о самом знатном и самом нищем, о святом и падшем, не забудь также о детях, которые будут восприимчивы как никто к твоему сиянию. Они понесут в будущее твой ослепительный свет. Ты откроешь каждому его вертикаль, каждую ступень-чакру, и лестница в небо поднимет их и сделает подобным богам. Ты уже не сможешь не поделиться своим светом, ведь теперь он снаружи, я его вытеснило, я почти всего тебя заполнило собой, ибо я Черное Солнце, темная сторона Белого, его невидимая часть, его неистощимая энергия, которая будет давать тебе силы и власть над человечеством. Совсем немного — и я займу всё твоё тело, так что свету внутри, который раздирает тебя сейчас последними вспышками боли, совсем не останется места. Он выйдет за пределы тебя и будет пленить тех, кто его созерцает и обжигать своей красотой тех, кто тебя слушает и смотрит. Ты подаришь людям знаки на теле — двенадцать крестов, объединенных кругом. И через эту руну они смогут служить твоему свету, они будут прикасаться к клейму и набираться силы, имея прямой доступ ко мне. Они будут касаться татуировки и твой голос будет откликаться на их призывы. Твой голос станет настолько мощным от тысячи, от миллионов призывов, что наполнит со-

бой всё пространство, всю землю, от полюса до экватора, от экватора до другого полюса. И даже далекий святой на самой высокой вершине духа, ушедший в вечную медитацию и отказавшийся от связи с этим миром вздрогнет, задетый волной твоего голоса...

Льстивый голос замолкал на мгновение. Выдерживал многозначительную паузу, а продолжал:

— Но у тебя есть враг. Этот враг очень коварный и опасный. Он подстерегает тебя на пути к величию, на пути к твоему Богу, на пути к Тебе. Он придет в виде слабой женщины и назовется твоей Душой, и попросит тебя отказаться от твоего сияния, отказаться от себя самого, а значит и от меня, твоей силы, твоего Черного Солнца. Она попросит тебя отказаться от всего, что ты сотворил, от твоих великих творений, великих открытий и откровений. Она захочет проделать над тобой алхимический эксперимент наоборот, лишив тебя всех достижений, превратив в маленького и ничтожного серого человечка из тех, которые приходят и уходят, страдают и умирают, зажатые в тисках земных ограничений. Не слушай Её! Она глупа и труслива. Страх и слезы наполняют глаза её. Она не умеет гордо смотреть перед собой и видеть далеко, как видишь ты. Голос её слаб, она будет сбиваться на шепот, и терять нить разговора. Она больна умом и телом и её очень легко победить, не позволяя ей говорить всё время и наполняя паузы, как только она остановится. У неё недальновидные рассуждения и речь её сбивчива. Её легко сбить с мысли, разрубить канат, по которому она балансирует так неискусно... Её легко уничтожить, но всё же, лучше не открывай ей двери. Даже если она упадет, тебе будет жаль её, ведь она женщина, а ты так добр... Она способна посеять сомнение, она напомнит тебе о временах твоей слабости, прогнет твою волю, набросит узды смирения — и ты ничего не сможешь сделать. Ты не сможешь выполнить свою главную миссию: спасти человечество от тисков ограниченности, открыть ему истину о его божественной природе, о том, что оно может стать, как боги. Ты упадешь со своих блистательных вершин, лишишься своей исключительности и станешь одним из многих. Возможно, ты даже потеряешь любимую женщину, которая выбрала тебя благодаря твоему сиянию, она покинет тебя, как только ты потускнеешь и станешь смиренной агнца, которого можно взять голыми руками и повести на заклятие.

А ещё она попросит тебя о великом унижении: о покаянии и молитве как о единственном спасении, она попросит тебя спасти её, обратившись к небу, к Богу, не понимая, что небо у тебя внутри и Бог в тебе, а не где-то там, в бесконечных небесах. Не слушай её! Не говори с ней! Не смотри на неё! Не выпускай!

Черное существо замолкло, собрало свои змеевидные корни и свернулось калачиком, чтобы отдохнуть перед следующей тирадой. Боль отпустила. Он посмотрел на бледное исхудавшее лицо в зеркале, полное нечеловеческого страдания.

— Неужели это я? — он едва успел присмотреться к своему отражению, как вздрогнул от звонка.

— Я пришла, — услышал он родной голос.

Забыв о предупреждении, он поспешил открыть двери.

О КРЕСТЕ

До этого я долго вопрошала пространство: что, да как, да почему... Почему в который раз тебе предлагают два пути взаимоисключающих, две дороги, пересекающиеся в точке выбора, который, якобы есть зло, потому что убивает возможность пройти всеми дорогами, убивает все остальные дороги в угоду одной. И эта точка сомнения — перекресток, на котором стоишь и не можешь решиться шагнуть ни в одну из сторон. Прямо пойдешь — до конца не дойдешь, ибо путь бесконечен. Налево пойдешь — отклонишься от своего пути, но наберешься опыта и горького знания. Направо пойдешь — как бы и праведным путем, да всё равно посторонним — ответвленным. И вот ты стоишь на своем перекрестке и ощущаешь под собой две пересекающиеся дороги, образующие четыре возможности. Последнюю — назад, к рождению, к смерти, стало быть — запретную. Стоишь. Но стоять вот так, на перекрестке, да ещё и всю жизнь, неудобно и неинтересно. Нет, конечно, можно принять недеяние как способ выживания и памятником застыть, погрузившись ещё при жизни в нирвану. Только жизнь тебе этого не простит: она-то заслуживает более пристального внимания и, как минимум — движения. То есть, идти всё-таки необходимо. И опять на острие вопроса — куда? Ты смотришь на точку отсчета под собой — и чтобы принять правильное решение, немного отдаляешься от неё — поднимаешься вверх, откуда можно адекватно оценить преимущества каждой дороги и не упустить их из виду. Но чем выше ты поднимаешься, тем больше понимаешь, что не сможешь охватить взглядом конечные точки — стало быть, цели. А если поднимешься слишком высоко, то и вовсе потеряешь из виду их, как, впрочем, и саму землю, малым шаром под тобой плывущую. Да и не будет надобности в этом шарике — вряд ли он сможет стать точкой опоры для того, кто уже оторвался. А тут ещё за руки твои любимые дергают: не улетай, не улетай, не бросай нас здесь, на земле. Ладно, — обещаешь ты и приземляешься.

И снова стоишь на распутье. Тогда, может, снизу попробовать — под перекресток нырнуть, авось что-то и увидится?

Опускаешься. Чем дальше — тем тяжелей. Набираешься соков земли, впитываешь гнильцу, в отбросы-отходы с головой ныряешь. Чем ниже, тем тяжелей рассмотреть, что там наверху: земляной груз мешает. Так, достаточно, — говоришь ты себе, — побаловалась подземельями. Пора подниматься, а то ещё немного — и под грузом земных грехов пошевелиться не сможешь, опускаясь всё ниже, откуда уже нет возврата. — Поднимаешься, стало быть, но, уже сделав глоток свежего воздуха, понимаешь: не полной всё-таки грудью — некий груз на спине мешает тебе распрямиться, стать в полный рост и опять застыть памятником нерешительности. Э, да это сам перекресток у тебя на спине расположился препятствием к полному освобождению! Мало того, что сам — так ещё и с дорогами своими, расходящимися в разные стороны. И всё это — на твоём собственном горбу. Вот так попалась — ни сбросить, ни оторвать. Прирос. И вот ты делаешь пробный шаг. Тяжеловато, конечно, с непривычки-то. Затем второй, третий...

Стоп, а идешь куда ты? — Спрашиваешь, взгляд под ноги бросаешь, а дорог расходящихся — нет. Больше нет перекрестка, теперь он у тебя на спине, а под ногами — свобода. Иди, куда хочешь, только неси свой перекресток. Свой крест... Так вот она — фраза, знакомая с детства: *крест свой нести*. Она начинается, когда ты долго стоишь на месте, не зная в какую сторону двинуться, пробуешь подняться, опуститься, снова подняться, а потом взваливаешь свой перекресток на спину — и идешь, куда глаза глядят. А куда они глядят у тебя? — спросит друг. А ты ему в шутку: на Голгофу, конечно. А он вдруг опечалится: а не рано ещё? А ты ему: лучше рано, чем поздно. Рано ступишь на путь — раньше придешь. А если неправильный путь? — потревожится он. — А неправильного пути не бывает, когда ты почин положил. Ибо путь появляется только тогда, когда ты осознаешь противоречие, на котором долгие годы стоишь, как на перекрестке, а потом, осознав, поднимаешь и взваливаешь — свой крест, свой выбор... Которого нет.

Вот идешь ты и думаешь: а что она значит, голгофа твоя? Ведь у каждого она разная. Каждый несет свой собственный крест на свою голгофу, только не каждый понимает это. А тебе вот повезло. За тридцать три не так давно перевалило — и почувствовала, под чем прогибалась всю жизнь, о чём печалилась, над чем слезы лила и муки крестные отчего испытывала: не понимала, что крест свой несла, думала, что-то чужое, дума-

ла — стечение обстоятельств проклятых. Так нет же: стечение дорог в одной точке — точке выбора, твоего, собственного. Думаешь, кто-то подскажет? В лучшем случае, крест помогут нести. Если любят, конечно. В этом смысле, везло тебе в жизни, находилось много помощников: кто водицы подаст, кто тяжесть на плечи свои переложит. Только всё это — временно. Взрослая уже, должна понимать: крест твой никто не донесет вместо тебя на Голгофу. Неужели к распятию? Ой, как не хочется... А почему? Что в нём такого, в распятии? Больно? Ну, это как посмотреть. Если брать на себя все грехи человеческие — конечно. Но это было посильно лишь Одному. А ты на себя только свои взвалила, значит, распятие во сто крат будет слабее... Успокаиваешь, значит, себя. А если грехи твои равны человеческим? Ведь не было заповеди в жизни, которую ты не нарушила, на своём перекрестке стоя годами? И вот ты начинаешь просить: дай подольше идти, чтобы все грехи свои успеть сосчитать да отмолить шагами и делами добрыми. Короче, *земную жизнь пройдя до половины*, начинаешь просить долгой старости и сил, чтобы спина под крестом не прогибалась, осанка не портилась. Начинаешь просить, всхлипывая, по-женски.

И вот, с каждым годом чувствуешь: крест твой легчает. Неужели привыкла к грехам своим? Неужели совесть не мучает? — удивляешься. И как только задаешь себе такие вопросы, как только начинаешь сомневаться, крест твой тяжелее становится. Прости, — говоришь, — что ропщу я, неблагодарная, не радуюсь облегчению участи, не понимаю, что милость Твоя её подарила незаслуженно, страхом своим себя угнетаю, пригибаю к земле. Надо от страха избавиться. Только подумала — крест полегчал. Радуюсь, значит, теперь опытом тяжким научена, не ропщу, даже вприпрыжку идти начинаю. Песни пою, людей наставляю: мол, бесстрашием легкую ношу свою заслужила. Следуйте, братья и сестры, примеру — и будете счастливы!.. Как только произнесла, крест снова потяжелел. Эх, — думаю, — опять ошибочку допустила: возомнила себя великим наставником. Поскромней быть надо, потише. Иду, глаза опускаю долу, по сторонам не смотрю, на окружающих внимания не обращаю. Одни мне: порадуй улыбочкой! Другие: помоги словом ласковым! А третьи: тепла человеческого дай, хоть капельку. Некогда, — им отвечаю, — что вы не видите? Крест свой тащу на Голгофу, думаю, как бы не сбиться с дороги, силы на всех не хватает, самой бы достойно пройти. Только сказа-

ла — потяжелел крест мой отзывчивый, заговорил человеческим голосом: Что ж это ты, на меня своё равнодушие сваливаешь? Али я дан тебе, чтобы от мира отваживать, али людей разучилась любить, неся меня? Если на то пошло, можешь выбросить. Не хочу быть причиной твоего одиночества. — Да что ты, крест мой любименький, крестик привычененький, — возражаю я искренне, перепугано, быстренько. — Я же привыкла к тебе, ты теперь мне, как крыша-то. Ты не бросай меня, божья отметина, я тебе честное слово дам: ни жалобы, ни тем более — ропота ты от меня не услышишь вовеки. Если ж когда-то... прости меня, грешную. И понесла я на горочку крест терпеливый мой.

Вот и подъем, а ко мне приближаются встречные: может помочь чем, может советик аль свечечку? Свечечку, — я говорю, — для себя зажигайте, увидите, что тоже несете ношу свою, и пора бы созреть к восхождению. И озирались, и прозревали прохожие, крест узнавая на спинах своих, и говорили: так вот оно — то, что давило и мучило, стало быть, нам собираться в дорогу небесную настала лихая годинушка. Нет, не лихая, — я им отвечаю с улыбкою. — Вы посмотрите: разве вы видите слезы, и разве хромаю я? Я поднимаюсь, танцую, и песнями славлю дороженьку. Только сейчас понимаю, что значит — счастливой быть. Я поднимаюсь — чем выше, тем ярче навстречу свет. И распрямляюсь на самой вершине сияющей. Вот и пришла, — говорю я, — чтоб крест водрузить окончательный, ибо готова душа моя к часу последнему. Только сказала — и вдруг оказалась без ноши я. — Где же ты, крест мой, привычный, укрытие прочное? Я же тебя проносила с годами всё бережней. Я же тебя сохраняла под ливнем и солнышком. Я же готовила душу свою для распятия. Крест мой куда-то исчез — только голос Всевышнего слышится:

— Руки расставь для распятия, как для объятия. Разве не видишь, что форма его на тебе уже? Разве не видишь, что сущность его пропитала тебя? И не покинет вовеки — не ношей — пристанищем. Ныне ты — путь свой, и крест, и распятие светом сияющим. Ты донесла до вершины сокровище дивное. Ныне слилась ты со светом, и путь завершила свой. Празднуй конец, песни пой благодарные, вечные.

О ВОСХОЖДЕНИИ

По дороге к вершине она часто останавливалась...

В начале пути, когда жизнь благоухала цветами и улыбалась счастливыми приветливыми людьми, собиравшими их в скоротечные букеты, её привлекали шумные, беззаботные компании. Подходя к ним, она вскоре забывала, для чего вышла из дома и допоздна наслаждалась разноцветием и дурманящими ароматами. Наутро всё повторялось: день, не приносивший ничего кроме бесплодного веселья, был как две капли воды похож на прежний.

Тогда она пообещала себе не смотреть по сторонам, выходя из дома. Оказалось, это совсем несложно: не отвлекаясь на суету, просто идти в новый день. Так она и шла, пока перед глазами не возник дом с уютными окошками, и мысль о ночлеге не вынудила её постучать. Молодой мужчина, открывший дверь, впустил её в просторную пустоту комнат, как будто ждущих её появления. И они остались вдвоем посреди ночи, а потом — посреди дня и новой ночи. И так было, пока время оставалось за стенами.

Но однажды она проснулась в одиночестве, вышла на крыльцо и огляделась. Земля иссохла от зноя, плоды падали, так и не дождавшись заботливой руки, и только легкий ветер напоминал о когда-то выбранном направлении. Оставив короткую записку — *Когда-нибудь я вернусь* — она снова двинулась в путь и вскоре забыла о доме, приютившем её в странствии и о том, кого столько времени называла любимым. Она обладала легким сердцем и памятью, где не задерживается прошлое.

Поднимаясь всё выше, она с радостью открывалась новым ощущениям. Воздух посвежел. Вдохнув полной грудью ветер свободы, она запела. Но едва песня полилась из груди, как посторонние звуки донесли откуда-то извне. Прислушавшись, она различила далекие голоса и свернула с дороги: ей не терпелось поделиться со встречными нахлынувшей мелодией. Но то, что она увидела, прервало поток вдохновения: обитате-

ли этих мест выглядели несчастными и жалкими. Почти у каждого был какой-то изъян или увечье. Кто опирался на палку, кто держался за голову, кто просто стонал. Она пошла навстречу этим людям, стараясь изо всех сил улыбаться и напевать родившийся у неё мотив, но казалось, встречные были глухи. Так что все старания её оказались напрасными и ликование уступило место усталости.

Теперь ни о каком пути не могло быть и речи. Нужно было набраться сил, прежде чем отправляться в дальнюю дорогу. Но чем дальше находилась она среди этих людей, тем меньше у неё оставалось желания двигаться. Проснувшись в один из невеселых дней, она посмотрела на своё отражение в зеркале — и в ужасе отпрянула, различив на лице черты несчастных, населявших это место. Тогда она решила продолжить начатый когда-то путь и заставила себя сделать несколько шагов от дома, ставшего для неё временным пристанищем. Некоторые её окликали. Они привыкли к ней и сожалели об уходе. Другие по-прежнему не замечали, погруженные в свои проблемы и немочи. Она старалась не оглядываться, как в первый раз, когда покидала счастливых людей, хотя на сердце было тревожно и тяжело. Слабость и неуверенность поселились в нём за то время, что она провела здесь. Но чем дальше она отдалялась от печального поселения, тем легче ей становилось идти, и вскоре память снова стала свободной, а сердце легким, как прежде.

Она продолжала путь, но теперь подъем не казался легким. То и дело она останавливалась и подолгу не отрывала взгляда от вершины, казавшейся совсем близкой, манящей своей лучезарностью и обещанием чего-то большего, чем счастье и несчастье, которое она уже испытала. Это обещание было настолько прекрасно, что хотелось его запечатлеть. Путница достала альбом и краски — в таких историях они обычно появляются по первому желанию, — присела на упавшее дерево и стала рисовать. И снова время потекло, не жалея себя. Ночь сменяла день, а звезды — солнце. И всё служило источником и освещением.

Но однажды краски закончились, а вдохновение иссякло. Земля пестрела разбросанными набросками, но ни один из них не удовлетворял автора, поскольку не отражал величия жизни, таившейся в оригинале. Она ещё раз взглянула на

вершину, и ей почудилось, что своими попытками запечатлеть красоту она как будто отняла у неё часть силы — та казалась не такой лучезарной, или, может быть, это просто туман, облокотившийся о пик... Осень, — повеяло мыслью о холоде. А с мыслью подкрался страх: она пришла из теплого края, а здесь, вблизи вершин появлялся снег и лед делал неуступчивыми тропинки. Время жизни неминуемо близилось к зиме и стоило подумать о надежной защите. Зачем я покинула теплую весеннюю долину и летний сердечный дом? — чуть не пожалела она, но, подобрав эскизы и запахнув плащ, двинулась дальше.

А дальше исчезало очарование природы. Приходилось всё чаще прятаться от ветра в темноту капюшона, погружаясь в безрадостные мысли. Наконец, изнеможение стало невыносимым. Она в отчаянии огляделась — и тут заметила пещеру, в которой горел тусклый огонь. В глубине неподвижно сидел человек. Она разглядела только седую голову, выступающую из темноты. Получив утвердительный кивок на вопрос, можно ли погреться, она подумала, что Бог никогда не оставляет идущего своим путем и рано или поздно посылает спасительный свет. На следующий день она попробовала продолжить восхождение, но едва сделала несколько шагов, как потеряла всякие ориентиры — небо заволочло туманом, сыпал мелкий снежок, готовый перерасти в снегопад. Тогда она поспешила вернуться к пещере, где по-прежнему теплился тусклый огонек жизни, и робко остановилась на пороге: перспектива провести зиму с тем, кто ни жив, ни мертв была для неё также мучительна, как путь вверх в одиночестве и без ориентиров. Раздался еле слышимый вдох — и она поняла, что старец находится в состоянии глубокой медитации.

А что ещё делать тому, кого зима застигла в пути? Ждать наступления тепла, чтобы возобновить восхождение. Если только время не распорядится иначе, вновь окунув в круговорот пройденного, и соблазны радости, любви, сострадания и творчества не остановят на пути к вершине. Наподобие молчаливого старца, которого зима когда-то застигла в пути, она села в позу ожидания, и через некоторое время увидела, как отдаляется всё дальше, пока не осталась наедине со своим путем. Она продолжала идти — и внутренние шаги отда-

вались в ней стуком сердца. Она понимала, что сердце остановится, как только затихнут шаги и что с каждым днём будет всё тяжелее поддерживать воображаемый ритм в неподвижном теле. Но продолжала свой путь, не чувствуя наружного холода и внутреннего оцепенения, и зная, что у неё теперь не одна тропинка к вершине, а столько, сколько нарисует воображение, и только от неё зависит, какой из них она пойдет дальше и выше.

СЕМЬ

Вначале я попала в первую сферу. Туда, где темнота поглощала всё. Мои глаза напряглись, чтобы оторвать от дна нависающие, неподвижные силуэты. Но мое желание не коснулось их: это были гордые птицы, убежденные в своей высоте. Тогда мне открылось, что где-то выше существует прикосновение, которое обладает способностью отрывать...

Я вылетела на другой уровень. Там было гораздо светлее, но не было источника света. Создавалось ощущение, что его скрывала какая-то завеса. Небо, покрытое тучами? Нет — сущностями, похожими на птиц. Это были скучные птицы. Они даже не взмахивали крыльями, чтобы разнообразить свои движения и навеять неосознанные ощущения. Но за их крыльями промелькнула надежда на высшее.

Я оттолкнулась от плотной атмосферы и взмыла вверх. И тут же попала в лучезарный мир, где всё светило своим собственным светом, и в каждой птице сохранялся её источник. Это были ликующие птицы. Они перелетали стайками маячков (светляков), восторженных и гимнических. Они источали веселье — и его шумное существо переполняло пространство, не оставляя свободного места для путешественника-наблюдателя. И он, то есть я, прорвался сквозь этот праздник, чтобы подняться над ним.

Четвертый мир был прямой противоположностью предыдущему. Голоса птиц напоминали хорошо спевшийся хор, поющий вечность одним хоралом, звучащим настолько согласованно, что он создавал ощущение тишины и ненагроможденной просветленности. Я боялась пошевелиться, ибо любой звук казался фальшивой нотой. Осторожно, так чтобы не нарушить общий строй, я выскользнула из этого тягостного совершенства и полетела дальше.

И попала в мир невидимых птиц. То, что это были птицы, я поняла по их голосам, которые доносились отовсюду и заполняли пространство, несмотря на то, что видимая его сторона оставалась пустой. Мне стало неуютно посреди этого обилия иллюзий.

Влетая в шестой мир, я уже подозревала, что не обнаружу в нем ничего, кроме эха голосов, воспоминания о них. Но воспоминания настолько яркого, что оно заменяло реальность и делало молчание вещественным, хотя и неслышанным.

Уже зная, что меня ожидает на последнем, седьмом небе, я сделала последний рывок. К мнимой глухоте добавилась слепота. Вернее, то, было принято называть ею. Вначале мне действительно показалось, что зрение покинуло меня. Передо мной не было ничего. Передо мной простиралось ничто — невидимое, неслышимое и неосязаемое. А я думала, что на седьмом небе... — только и успело промелькнуть воспоминание о мысли.